

Реза Давари Ардакани¹

ЧТО МОЖЕТ ФИЛОСОФИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?

Нынешние времена повсеместно характеризуются несоразмерностью в делах и сумятицей в умах. Даже так называемые развитые страны задаются вопросом, что делать и куда идти. Люди в остальной части мира, в свою очередь, делают нерешительные шаги, не осознавая того, что следуют примеру предшественников, и не задумываются о своей судьбе. Современный мир отличается от прежних времен двумя основными аспектами: теперь целью науки и практики является человек и именно человек строит свой мир, опираясь на науку и технологии. Результатом интенсивных духовных, психических, политических и этических изменений в эпоху Возрождения стало то, что западный мир порвал свои связи со Средними веками и в XVII и XVIII веках провозгласил мир, который должен был строиться благодаря усилиям, надежде и рациональности. В течение двух веков такой мир формировался и развивался должным образом, достаточно сбалансированно.

Тем не менее развитие и стабильность не были столь стремительны и последовательны, как это ожидалось в начале XVIII века. В конце XIX века Маркс утверждал, что в основе капитализма лежит хаос. Однако некоторые русские писатели усматривали нигилизм, который поселился в среде современного модернистского общества. Даже Достоевский хорошо опознал и описал в своих трудах террористическое лицо нигилизма. Такое открытие послужило основой для стойкого противостояния России Западу. Постепенно с конца XIX века кризис модернизма стал проявляться еще более интенсивно. Вместе с тем какие-либо препятствия

на пути современного развития в начале XX века отсутствовали — по крайней мере, их не было до начала Первой мировой войны. Как мы знаем, Европа и США не пали перед тенью коммунизма, которая, по словам Маркса, «окутала Европу».

Две мировые войны сняли покровы с внутренних конфликтов в развитии всемирной истории. В то время как техническая власть Европы и США продолжала увеличиваться, их внутренний союз и надежда ослабевали. Мировые войны были признаками слабости и только усилили слабые места. Характерным для обеих мировых войн было отсутствие победителей; обе стороны были проигравшими и ничего не получили. Однако верно, что Европа избавилась от злокачественной опухоли нацизма, СССР увеличил силу своего влияния в Восточной Европе и других регионах, а США стали лелеять мысли о вмешательстве в дела стран по всему миру. Все же нацизм не был единственной проблемой для Европы, а расширение влияния СССР и учреждение так называемых республик в Восточной Европе не привели к разрешению мировой дилеммы. В конце концов, нацизм был просто знаком. Германия проиграла Вторую мировую войну. Однако великие державы Европы также не насладились трофеями, а столбы их колониализма были поколеблены или уничтожены.

Последствием стало возникновение двух полюсов — Востока и Запада. Западная сторона находилась под предводительством США. Когда они вступили на авансцену мировой политики, то превратились в сверхдержаву западного мира, подчиняя все страны своей военной и политической власти. Конечно, за этим просматривалось желание представлять *novus ordo seclurum* (новый порядок веков). Однако данная идея не увенчалась успехом из-за конфликтов во внутренней и внешней политике в других местах мира, особенно на Дальнем Востоке. Были случаи, когда США игнорировали фундаментальные принци-

¹ Президент Академии наук Исламской Республики Иран, доктор философии, профессор. Автор более 40 книг и 500 статей, включая: «Постмодернистский образ мысли», «Западное мышление и цивилизация», «Современная иранская философия», «Традиции и современность», «Философия в цепях идеологии», «О науке», «О Западе», «Политика, история, мышление», «Наука и политика в сфере образования и исследований», «Философия и завтрашний день» и др.

пы демократии до такой степени, что некоторые американские государственные деятели заявляли об оправданности и даже необходимости пыток как средства в борьбе против терроризма.

При таком течении событий новый мировой порядок в его двухсотлетней истории обрел новую форму и претерпел реформу. Когда США отвергли Доктрину Монро (доктрину невмешательства), они были вовлечены в войны и локальные восстания, особенно в Восточной Азии и Латинской Америке. В то же время увеличение военной силы и политического авторитета России оказали прямое или косвенное влияние на антиколониальные движения, хотя эти действия и не достигли тогда поставленных целей. Национальные движения были побеждены, и повсеместно спустилась тень холодной войны. Эта война длилась в течение сорока лет, когда же она закончилась, некоторые политики, в особенности американские, были переполнены радостью, полагая, что началась эра правления непревзойденной либеральной демократии.

Очевидно, что у холодной войны, как и у двух мировых, не было победителей. Американцы, говорившие о конце идеологии и истории, очень скоро убедились, что, несмотря на свою состоявшуюся структуру, социализм был побежден и дискредитирован. Но при этом либеральная демократия также не могла спасти свою репутацию. Более того, нынешняя проблема не имеет отношения ни к социализму, ни к капитализму, ни к либерализму; скорее она похожа проблему темнеешего горизонта будущего. Каким может быть будущее у мира, в котором 90 % населения живут в неразвитых или развивающихся странах и регионах? Будущее развивающихся стран фактически совпало бы с прошлой или настоящей ситуацией развитого мира. Другими словами, развивающиеся страны хотели бы достичь положения, которого развитый мир уже достиг. Жаль, что для развивающихся стран это нелегкая задача. Следует заметить, что в большинстве стран мира процесс развития происходит нерегулярно и в низком темпе. В случае если неразвитый мир не сможет достичь стадии развитого, его существующие конфликты в мире усилятся; если же он достигнет такой цели, то предстанет перед той же проблемой, что и мир развитый. Иными словами, он не видит горизонта перед собой и не знает, куда ему следует идти.

Основатели представлений о модернизме говорили о нем как о чем-то универсальном, но модернизм стал региональным понятием. Легко жить в воображаемом «теперь» и заявлять, что нам не следует волноваться по поводу завтрашних проблем и трудностей и что «мы будем думать о завтра, когда оно настанет». Но проблемы существуют в настоящем времени. Правильнее сказать, что перед всеми людьми, живущими в развивающихся странах, стоят большие проблемы, которые обнажили их внутренние конфликты более чем когда-либо и привели к экстремизму, терроризму, опустошению и разным видам коррупции. Люди развитого мира всегда заняты производством и воспроизводством новых технологических продуктов, заставляя трудиться людей остального мира. В случае если они не увидят себя отчужденными и лишенными надежд в их нигили-

стическом мире, что им делать с экономическим кризисом, распространением моральной и этической коррупции и опасностей, вытекающих из разработки военных технологий и истощения энергетических ресурсов?

Те, кто может хоть немного уловить биение пульса жизни и времени в развитых или развивающихся странах, могут спросить себя, откуда люди XVIII века черпали надежду и почему она в XXI веке превратилась в безнадежность? Поставить этот вопрос означает вступить в область философии, которая спрашивает, почему полный надежд мир потерял свою надежду. Дошел ли он до конца своего пути или стал безнадежным, не достигнув цели? Наступило время для философов, а также политиков, социологов и учителей этики поразмышлять над этими вопросами. Такие вопросы не порождены деятельностью философов. Так что мы не можем сказать: дескать, не будь в мире философов, не было бы никаких философских вопросов.

Эти вопросы действительно существуют в мире и формулируются некоторыми людьми именно по причине их существования. Философские проблемы не подделываются философами, и сама философия не возникла из-за какого-то случайного совпадения: это не просто продукт вкусовых предпочтений личностей, таких как Сократ, Авиценна, Декарт или Гегель. Сократ сказал, что философы прислушивались к словам времени, чтобы стать философами. Авиценна за свою относительно короткую жизнь попытался сформулировать проблемы мира в философской форме мышления, чтобы показать пути мудрости.

Будет справедливо отметить, что философия пришла в мир ислама к мусульманам-шиитам, которые не воспринимали мир без помощи имама и проводника, кто способен обеспечить ответы на поставленные вопросы. До сих пор мы не проводили детального исследования статуса философии в исламском мире и того, почему она была оставлена на произвол судьбы. Мало известно о воздействии философии на богословие, в особенности на религиозную науку, вероятно, на герменевтику и, наконец, на образ жизни людей, этику и политику. Тем не менее нельзя недооценивать, что философия и наука в Греции представляли интерес для мусульман в целом и иранского народа в частности, который приветствовал греческую науку и философию и следовал за ее образом мыслей и мудростью, так что впоследствии даже сами европейцы получили выгоды от его достижений.

В наше время отношения между философией и политикой замутнены. Усилия Фараби не нашли отражения в истории исламской философии. Поскольку мы оперируем трудами Декарта и Канта, для нас такие отношения ясны и очевидны. Декарт описывает мироустройство способом, при котором человек находится в его фокусе, имея полномочия использовать иначе отчужденную природу, а также научное господство. Но со второй половины XIX века души людей стали наполняться ощущением умственного надрыва и беспокорства, что нашло отражение в поэзии и мыслях. На сегодняшний день воображаемая в XVIII веке картина земного рая поблекла и почти исчезла. Никто не знает, какова судьба мира.

В нынешнем мире порядком современности стал порядок доминирования. Но некоторые люди все еще живут в предмодернистскую эпоху. Все еще есть такие, кто лелеет мысли о модернизме и удовлетворен этим. Таким образом, их сердца восхищены и их умы заняты чем-то другим; у них нет верховодящей руки. Ни одна из этих двух групп не имеет связи со временем и историей модернизма.

Эпоха модернизма имеет различные лица и проявления и разделена на развитые, неразвитые или развивающиеся эпохи. Неразвитая эпоха — это не период времени, размещенный до предмодернизма и модернизма, это даже не переходный период, так как неразвитая эпоха не является ни частью эпохи модернизма, ни предшествующей ей. Возможно, она призрак времени. Следовательно, люди этой эры думают, что прилагают усилия, чтобы достигнуть желательного будущего, хотя они повторяют некую форму приостановленного «теперь», которая осталась от прошлого и не связана с будущим. Это «теперь» неразвитой эры, знаки которой находят повсюду, особенно в формальных наполовину политических и наполовину культурологических выступлениях. Это неисторическое или внеисторическое «теперь» является ничем иным, как псевдовременем неразвитого мира.

Три эти формы синхронны между собой. В случае если бы люди предмодернистской эпохи жили в нынешнем календарном времени, они были бы современниками людей развивающегося и развитого миров. Удивительно, но есть случаи, когда их можно найти живущими в одном доме, поскольку с помощью Интернета можно предложить курс о трактате Клавдия Птолемея «Альмагест» для студентов, которые принадлежат эпохе между традицией и модернизмом. Такие люди, которые отрезаны от старой истории и еще должны присоединиться к современности, не принадлежат любой из этих эпох. Если они заинтересованы присоединиться к ходу истории и жить в будущем, они должны думать о своем времени или своей вневременности. Например, иранский мусульманин теперь должен задумываться о времени и веке, в котором он живет, — в XXI веке от Рождества Христова или в XV веке по исламскому календарю. Возможно, он не принадлежит ни одной из этих эпох.

Возможно, он родился в день календаря, прожил десятилетия в XX и XXI веках. Жизнь в XXI веке требует специфического склада ума, литературы, науки, образования, экономики и политики. У человека может не быть характеристик, соответствующих требованиям XXI века, равно как и соответствующих требованиям XIV и XV веков по исламскому календарю. При таких обстоятельствах, если он изучает исламскую философию, его учителя не Мулла Садра и не Мулла Хади Сабзевари. Но в той же мере он не может поразмышлять над Ницше или Кантом. Он не вполне понимает, какое отношение он имеет к Мулле Садре или Канту. (Поскольку мы ничего не знаем об этом или наши знания малы, есть лишь немногие люди, кто мог бы хоть как-то это прояснить.)

В наше время постижение философии проходит двумя способами. Первый — это систематическое об-

разование, в ходе которого мы узнаем о Мулле Садре и Мулле Хади Сабзевари, к примеру. Также мы кратко узнаем о взглядах Канта и Ницше. Мы думаем об этих людях как о мужчинах, у которых были собственные особые взгляды, и мы, в свою очередь, согласны с некоторыми их взглядами и не согласны с другими. В этом случае можно спутать время Муллы Садры со временем Канта или проигнорировать их релевантность со временем (однако их работы и символы принадлежат определенному времени, и склад их ума отмечен этим временем; таким образом, трудно будет проигнорировать отношение их взглядов ко времени творчества каждого из них). Другой способ постижения не предполагает ни изучения системной философии, ни обучения ей: это, скорее, размышления над отношением ко времени каждого из этих философов.

В последние десятилетия часто говорили о двух или трех эпохах. Мы неоднократно читаем и слышим о предмодернистской и модернистской эпохах, как будто бы у истории есть только два времени или две исторические эпохи: одна принадлежит предмодернизму, а другая является временем и формальной истории модернизма. Однако знаем ли мы, какое отношение ко времени имеет философ? Теперь, когда мы каждый день читаем Муллу Садру и Декарта, какое отношение у нас к ним возникает и с кем мы разделяем общее для нас время? Если мы не принадлежим времени Муллы Садры, то как и когда мы отрезали нашу связь с тем временем; и к какому времени мы присоединились после этого? Маловероятно, что мы присоединились к эпохе Декарта и Канта, поскольку в их время формировался мир. Мы должны лично убедиться, достигли ли мы стадии формирования живущих существ. И если это произошло, формируем ли мы мир таким же образом, как предложили Кант, Гегель и Маркс? Это и станет нашим принятием модернизма на невербальном, подсознательном уровне.

Теперь наша проблема в том, что мы не порвали нашу связь со временем Муллы Садры, и при этом мы недостаточно искренны, чтобы порвать ее. Также мы не можем проигнорировать и Новое время. Может быть, найдутся и те, кто принадлежит двум эпохам. Если это когда-нибудь произойдет, то в будущем они могут послужить проводниками. Однако жизнь, культурные, социальные и политические системы не могут принадлежать двум эпохам, а если такое случается, то на практике возникает смута, бедствия, непонимание и неспособность к действию. Каждый раз порядок возрождается, когда он представлен и находит обсуждение в искусстве, религии, мудрости и философии.

Это может быть понято так, что ничему нельзя научиться у философии прошлого. В этом случае мы должны проигнорировать исторические горизонты Муллы Садры и Сухраварди и ради целей развития порвать нашу связь с ними и присоединиться к современному времени и модернизму. Люди каждого времени и каждой эпохи принадлежат собственному времени и истории. Но обычно они этого не знают, как и о различии их собственного времени и других времен. О времени может рассуждать только философ. Знание

того, что Мулла Садра принадлежал миру, отличающемуся от мира Декарта — современного ему философа в Европе, не означает, что мы должны принять одного и отвергнуть другого. Можно принадлежать новому миру и в то же время ценить время Муллы Садры. Найдутся те, кто скажет, сделал бы Мулла Садра то, что сделал Декарт, то и в Иране появилась и развилась бы новая философия. Но Мулла Садра принадлежал другому времени, и по этой причине он последовал примеру своих предшественников и достиг конца того пути. Тогда как западная философия шла своим путем, призывала к другим средствам и имела различные результаты и последствия.

Сегодня основные проблемы мира связаны с вопросами развития и модернизма. Развитие осуществлялось тремя путями. Во-первых, так называемое внутреннее порождающее развитие, как это произошло более или менее органичным образом в развитых странах в соответствии с их естественной тенденцией; во-вторых, сознательное, основанное на подражании просчитанное планирование; и в-третьих, чистое подражательное развитие. Первый путь — естественный и оригинальный способ истории модернизма. Второй путь — это всесторонняя и относительно скоординированная имитация, чтобы избавиться от отсталости. Конечно, конец этого пути неясен. Это путь, который испытали на себе некоторые латиноамериканские и азиатские страны.

Наконец, третьим путем является частичная и позиционная имитация без учета ее пригодности статусу и месту действия. На ум может прийти еще одна идея (конечно, ее иллюзорная форма очень распространена, но здесь обсуждаются взгляды и суждения). Речь идет о том, не являются ли развитие и модернизм в умах людей тождественными понятиями, не предполагает ли модернизм сам по себе степени развитости и нет ли возможности подумать еще о каком-то жизненном плане. Здесь мы не собираемся концентрироваться на марксизме, пролетарской революции, коммунизме и бесклассовом обществе, поскольку у коммунизма не было плана превзойти модернизм, но был замысел спасти современный мир. Так, лозунг «От каждого по способности, каждому по потребности» можно расценить как специфическую интерпретацию принципов модернизма.

Вопрос, что такое модернизм, а особенно возражения ему, вовсе не новы и обсуждаются последние десятилетия, пусть и имея время от времени идеологическую подоплеку. По крайней мере, в своей идеологической форме эта идея не достигла состояния неудовлетворенности со стороны мира приверженности модернизму и мира его злостных противников. Эта идея не вошла в область размышлений и по-прежнему не имеет никакого отношения к постмодернистским взглядам. (Изучение сущности модернизма для русской литературы явление новое и пока серьезно не рассматривалось.) Тем не менее теперь не существует иного пути, кроме как путь развития. Если в этом суть дела, то сойти с пути развития в данный момент просто невозможно.

Однако, как следует пойти по этому пути? Слепое следование по этому маршруту и путешествие в никуда

ни в коем случае не приведут к порядку, координации и умеренности, поскольку ни на каком этапе развития баланс никогда не достигался. Неразвитый мир работает меньше и более занят борьбой. Даже его официальные административные организации не управляются на основе рациональной бюрократии и, как следствие, рассредоточены и разбросаны; они, скорее, создают видимость работы, чем исполняют свои основные обязанности. В «*Le Spleen de Paris*» Шарль Бодлер оценивает современный город как «город сплина, мрачного настроения». Он с уважением относится к парижскому сплину. Но если Париж был для него городом сплина, то сплин неразвитого мира был бы для него более горьким и болезненным, чем тот, что в модернизме.

К сожалению, люди неразвитого мира проводят свои дни и ночи в скуке и мрачном настроении, даже не зная об этом. Есть лишь немного людей, которые могли бы задуматься над причиной своего сплина, над его постоянством или даже усилением в некоторых случаях. Неразвитый мир не спрашивает себя, почему он не получает от своей упорной борьбы того, чего заслуживает. Люди действуют на основе своего представления о невидимых манипуляциях в полном страданий материальном мире, другом мире, их статусе и месте. Развитие нового мира было осознано одновременно с появлением *трансцендентного эго* в новой философии, литературе и политике под воздействием определенных духовных и культурных обстоятельств. Действительно ли возможно для людей, которые живут в различных исторических и культурных условиях, легко развить и приобщиться к истории модернизма, поддерживая при этом свою идентичность и оригинальность?

Этот вопрос стоит перед нами в числе других серьезных психологических и научных вопросов и проблем. Что такое исторические и культурные условия и в каких пропорциях соотносятся социально-экономическое развитие и особый менталитет и дух? Что подразумевает оригинальность, религиозное, радикальное и национальное самосознание? Принес ли модернизм за последние 200–300 лет нечто большее, чем ряд образцов поведения, обычаев и предметов? Японцы могли бы не испытывать таких проблем. Нет никакой необходимости озадачивать людей такими вопросами в других местах. Но когда путь к развитию и модернизму оборачивается трудным маршрутом, должны быть люди, которые размышляли бы над этими вопросами и искали бы их корни.

Главная часть этих проблем происходит из духовного статуса и здравого смысла людей, склонных развиваться. Проблемы всегда и везде существовали в той или иной мере. Если трудность выбранного пути еще не оценили, то это потому, что считалось, что у развития есть только западный путь, который надо пройти, не рассмотрев универсальность модернизма, его культурный, научный и политический статус, и без осознания того, что двери могут закрыться за первооткрывателями и другим предстоит открыть их заново, даже если у них есть некоторая информация от пионеров. Иными словами, чтобы еще раз пройти по западному пути модернизма, потребуются мудрость и сила. Если

бы это было не так, развивающийся мир не стоял бы у истоков после 100 лет усилий и борьбы. Развивающийся мир должен с полной тщательностью изучить глубину истории новой Европы, если он действительно хочет приобщиться к достижениям европейцев. Но ни в коем случае нельзя забывать о различиях между собой и европейцами. Каковы эти различия и в чем они заключены? Различия очевидны. Но неясно, как их можно сгладить и почему они легко не сглаживаются. В прошлом люди не настаивали на том, чтобы сглаживать различия. Они все еще пытаются поддержать свои различия в определенных вопросах. Но если речь идет о науке, технике и образе жизни, все это представляет для них интерес, и западные примеры служат для подражания.

Мы знаем, что не все люди разделяют мнение, что современная наука и технологии являются феноменом Запада. Они считают, что польза, получаемая прежде всего от науки и технологий и от мира потребления в целом, — это шаг к продвижению и естественному историческому развитию, которое принадлежит всем людям мира. Если дело обстоит таким образом, то нужно размышлять об удаленности и различиях, которые существовали в начале новой эры и заставляли считаться с собой на протяжении времени. Этот вопрос можно поставить следующим образом: если новая наука произошла из науки старой, то почему же получилось так, что мы, будучи пионерами в науке, филосо-

фии и искусстве, не имели таких личностей, как Галилей, Коперник и Декарт, и даже не ценили их науку, пока не оказались вынуждены принять ее? Почему наш путь не пересекся с путем модернизма? Мулла Садр был современником Декарта, но первый стоял в высшей точке развития исламской философии, тогда как второй стал философом современного мира. Почему это произошло? Этот вопрос следует обсуждать в другом месте. Следует, однако, здесь упомянуть, что прежде чем встать на путь к будущему, следует подготовиться, обращаясь к истории и изучая мысли и культуру прошлого.

Даже для достижения модернизма у нас нет выбора, кроме как обращаться к искусству и мыслям прошлого. Тогда у нас может быть достаточное самосознание для выбора будущего пути. Философия и исламское богословие не только обладают глубиной и кредитом доверия, но также и являются проявлениями духа 1400-летней истории Ирана. Обращаясь к этим годам и глядя в зеркало философии, богословия, поэзии и литературы, мы узнаем о наших возможностях и существовании в прошлом.

В заключение отмечу, возможно, организаторы дали этой конференции имя Лихачева, чтобы подчеркнуть именно это ее предназначение. Д. С. Лихачев — один из великих представителей истории, литературы и культуры России. Для меня большое удовольствие посетить это мероприятие.